

УДК 930.253

Партийный архив ТАССР и вызовы времени: вторая половина 1940 – начало 1960-х гг. (к 90-летию Татарского единого партийного архива)

Р. Г. Шамсутдинова,

*Казанский федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

The Party Archive of the Tatar ASSR and challenges of the time: the second half of the 1940s – early 1960s (dedicated to the 90th anniversary of the Tatar Unified Party Archive)

R. G. Shamsutdinova,

*Kazan Federal University,
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

Аннотация

В статье излагается история функционирования Татарского единого партийного архива во второй половине 1940-х – начале 1960-х гг. Актуальность обращения к данной теме обусловлена слабой изученностью региональной истории системы партийного архивного дела. Показана деятельность архивистов Татарского единого партийного архива по обеспечению сохранности основной части фондов, а также их попытки активной научно-исследовательской разработки архивных материалов. Выявлено, что в обозначенный период научно-исследовательское направление в деятельности архива сдерживалось как превалированием архивно-технической обработки материалов, так и традиционной замкнутостью партийной структуры.

Abstract

The article deals with the history of the functioning of the Tatar Unified Party Archive in the second half of the 1940s – early 1960s. The relevance of the subject is due to the poor knowledge of the regional history of the party's archive-keeping system. Activities of the archivists of the Tatar Unified Party Archive in terms of preservation of the major part of the funds are shown, as well as their attempts to carry out active scientific and research works with archival materials. It is revealed that within the mentioned period the research activity of the archive was suppressed by both overrepresentation of archival and technical processing of materials and traditional insularity of the party structure.

Ключевые слова

Татарский единый партийный архив, Институт Маркса, Энгельса, Ленина (ИМЭЛ), Истпарт, государственные архивы, Татарская автономная советская социалистическая республика, Областной комитет ВКП(б) ТАССР, парткомсомольские организации, Институт Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина (ИМЭЛС).

Keywords

The Tatar Unified Party Archive, the Marx-Engels-Lenin Institute (MELI), history of the Party, state archives, the Tatar Autonomous

Soviet Socialist Republic, the Regional Committee of All-Union Communist Party (Bolsheviks) of the Tatar ASSR, party and Komsomol organizations, the Marx-Engels-Lenin-Stalin Institute (MELSI).

Целью данной публикации является изучение истории функционирования Единого партийного архива ТАССР во второй половине 1940 – начале 1960-х гг. В обозначенный период во главе партийного архива, последовательно сменяя друг друга, находились: Я. С. Кормухин (в 1935-1950 гг.)¹, С. П. Люшин (в 1950-1953 гг.), А. И. Лебедева (в 1953-1967 гг.). Каждый из них внес свой вклад в дело сохранения документального наследия новейшей истории Советского Союза.

Хронологические рамки обусловлены как общеисторическими событиями, так и спецификой общего формата деятельности данного провинциального партийного архива, в сравнении с последующим и предыдущими периодами. Кроме того, с 1953 по 1959 г. архив был подчинен Институту истории партии при Татарском обкоме КПСС². Как известно, ведомственная подчиненность может существенно скорректировать деятельность любого учреждения, как никогда, это зримо проявилось в истории и судьбе российских архивов.

Общим местом в деятельности региональных партийных архивов в обозначенный период являлось то, что партархивам приходилось решать вопросы, связанные с установлением источников комплектования, определением состава документов в них, а также организацией приема документов на постоянное хранение. Значительному количеству документов, принятых на хранение, требовались новые обложки, подшивка и составление новых заголовков, поэтому сотрудники партархивов занимались не только упорядочением документов, но и улучшением их физического состояния.

Отрицательно влияло на комплектование архивов отсутствие необходимых помещений, а также их полная загруженность. Как отмечают исследователи, обеспечение архива должным помещением позволило бы больше внимания уделять вопросам обеспечения сохранности документов: картонированию, снятию машинописных копий и других³.

Рассказ о деятельности провинциального партийного архива также неотделим от констатации той ситуации, что сложилась на тот момент в Институте Маркса, Энгельса и Ленина (ИМЭЛ). Как отмечает В. Г. Мосолов, «Одним из существенных моментов деятельности нового руководства было восстановление прежнего статуса института. Дело в том, что в годы войны при полном формальном сохранении положения института в партийной иерархии его реальный аппаратный статус фактически понизился. Возможно, это было связано с усилением в то время влияния государственных органов»⁴.

Данное наблюдение другой исследователь развивает в следующем направлении: «На кону находилось само существование партии как правящего института. Во время войны ее трансформация в министерский придаток ускорила, что сопровождалось значительной утратой власти. Неудивительно: министерства несли ответственность за ход военных действий, завершавшихся блистательными победами. Партийный аппарат оказался коррумпированным и “купленным” управленцами, которые все чаще имели дело исключительно с Советом министров и игнорировали Центральный комитет и его номенклатуру»⁵.

С. П. Люшин.
ГА РТ, ф. П-30, оп. 10, д. 642б, л. 1.

*S. P. Lyushin, the State Archive
of the Republic of Tatarstan, fond P-30,
series 10, file 642b, p. 1.*

В архивном деле, применительно к партийным архивам, это имело весьма неприятные последствия. Так, в апреле 1946 г. Секретарь парторганизации НКВД ТАССР, в ответ на требование сдать свои документы, как и прежде, в партийный архив, вдруг заявил: «у них есть приказ НКВД СССР о том, что парторганизации их наркомата должны сдавать свои материалы в Первый спецотдел своего наркомата»⁶.

Тогда это «своеволие» было пресечено, но сам факт примечателен. Словом, партийный архив в послевоенный период был поставлен в условия, когда свое особое положение нужно было уметь защитить. В случае с Единым партийным архивом при Татарском обкоме ВКП(б) это сказывалось в целом ряде аспектов.

Можно, в первую очередь, охарактеризовать ситуацию со зданием для партийного архива. Весьма долгое время здание Петропавловского собора, переданное архиву в 1944 г., было просто непригодно для работы. «Соседями» партийного архива были: Краеведческий музей, Педагогический институт, склад пароходства, одно из городских домовых управлений. Как с возмущением отмечает заведующий партийным архивом при Татарском

обкоме ВКП(б) Яков Семенович Кормухин: «Партархив в данном помещении всего без года неделя и занимает только часть помещения и то без гарантии – будет тут или нет. Музей занимает помещение с давних пор и по сие время (июнь 1945 г. – Р. Ш.), Институт и склад с начала Великой Отечественной войны... Словом, эти организации жили, разрушали, а восстановлением не занимались... 8 июня сего года приходил участковый милиционер в Партархив и составил акт о нарушении постановления Городского Совета для привлечения к штрафу Заведующего партархивом, как не принявшего мер к ремонту ограды и ворот собора. Такое отношение органов милиции к контролю за выполнением решений Городского Совета – считаю формально-бюрократическим и незаконным»⁷.

В 1949 г. в ходе проведения инспекторской проверки со стороны ИМЭЛ, на производственном совещании один из сотрудников, в следующем году ставший заведующим партийным архивом – Степан Павлович Люшин, получивший образование в Московском историко-архивном институте, привел следующие цифры: «С 1944 г. по 1945 г. Партийный архив вырос в два с лишним раза. За годы войны Партийный архив в силу ряда причин концентрацией не занимался. В его фондах тогда насчитывалось приблизительно 200 тыс. ед. хр. За последние же четыре года

архив принял 316 тыс. ед. хр. Этим самым архив спас многие документы от гибели их в районах. Следовательно, на сегодня в фондах архива имеется свыше 500 тыс. ед. хр. В погоне за количественным ростом материалов архив допустил в практику прием и недостаточно обработанных материалов. Если бы со стороны товарища Кормухина и технических работников, производивших прием, было бы побольше требовательности к сдатчикам, то в ходе самой приемки можно было бы устранить ряд существенных недостатков»⁸.

Недостатки, в данном случае, заключались в том, что архивистам зачастую приходилось проделывать всю техническую работу, выполнение которой было непосредственной обязанностью ведомственных делопроизводителей. В условиях катастрофической нехватки подготовленных кадров, могущих работать с делопроизводственными комплексами, в некоторых районах республики шли на прямое нарушение партийной тайны. Так, в июле 1948 г. обработкой архивных материалов Муслюмовского райкома ВКП(б) ТАССР, перед сдачей их в Единый партийный архив, занималась заведующая библиотекой этого райкома партии⁹.

Словом, превалирование архивно-технической работы не позволяло в полной мере реализовать тот большой научный и пропагандистский потенциал, что был заключен в документах партийного архива при Татарском обкоме ВКП(б). Обстоятельства, осложнявшие процессы комплектования, были схожи с общесоюзными. Среди них – общий низкий уровень партийного делопроизводства, отсутствие прочных связей с фондообразователями, малочисленность штатов, переполненность хранилищ, запущенность учета, отсутствие организационного и методического обеспечения комплектования. Все это не всегда позволяло наладить планомерное, масштабное пополнение архивов¹⁰.

Оценивая работу партийного архива в первые послевоенные годы, надо всегда помнить о тяжелых бытовых условиях, в которых жили и работали люди. «Бытовая», «непарадная» сторона жизни Партийного архива изобилует деталями, которые своеобразно характеризуют время: то мы видим жалобу С. П. Люшина о множестве посторонних людей, в рабочее время пришедших в архив «в порядке любопытства», другая часть «погреться», а часть с невыясненными намерениями¹¹, то в апреле 1953 г. Партийный архив обращается в Казанский тир с просьбой выделить стрелка для разгона голубей, живущих в хранилище архива¹².

В эти непростые времена архивисты республики также большое, зачастую превалирующее внимание уделяли работе по выявлению в ЦПА при ЦК КПСС документов В. И. Ленина, И. В. Сталина и их окружения. Ее итогом было получение интересных, но не всегда действительно уникальных источников. Да и получены они были, как отмечают исследователи, с нарушением принципа недробимости фондов и не могли компенсировать отсутствие значительных массивов документов центральных партийных органов и учреждений¹³.

Между тем, меняющиеся условия предъявляли и новые требования к партии и ее структурному элементу в лице партийных архивов. В октябре 1950 г. на производственном совещании работников Единого партийного архива при Татарском обкоме ВКП(б) новый заведующий – С. П. Люшин, в присутствии инструктора ИМЭЛ Семенова (имя, отчество не указаны. – Р. Ш.), очень эмоционально и с характерной для того времени самокритикой, даже самобичеванием, выявил главные недостатки в работе партийного архива. Так, причиной провала научно-исследовательской работы стало то, что: «руководство Партийного архива не создало вокруг себя актив научных сил Казани и не было настойчиво во взаимоотношениях с отделом

пропаганды Обкома ВКП(б) в вопросе научной работы»¹⁴. Другой недостаток выявил московский гость, он с большим неудовольствием констатировал – в партийном архиве, как оказалось, не создан постоянный контроль за работой диссертантов, «выдачей архивного материала в читальный зал кончается работа Партийного архива. Такой стиль работы легко может привести к разглашению государственной тайны»¹⁵.

В ноябре 1950 г. состоялось Бюро Татарского обкома ВКП(б), где с докладом о состоянии работы в партийном архиве выступил С. П. Люшин. Он, характеризуя недостатки в научной работе, с нашей точки зрения, говорит о весьма примечательном явлении: «Что же сделано в Партийном архиве в этой области за последние десять лет, то есть с момента ликвидации Истпартов? Ровным счетом ничего. Не опубликовано ни одной капитальной работы, даже и брошюры, хотя Татария, и, особенно Казань богата революционным прошлым. На сегодняшний момент научно-публикаторская работа является самым запущенным участком... Я должен напомнить, что Партийные архивы по решению Оргбюро ЦК ВКП(б) от 2 декабря 1939 г. обязаны заниматься не только инструкторско-обследовательской работой РК, ГК ВКП(б) и ВЛКСМ в деле правильного хранения и обработки партийно-комсомольского хозяйства, не только собиранием и обработкой материалов, но и разработкой вопросов истории местных партийных организаций, революционного прошлого и т. д. До 1939 г. в составе Обкомов, Крайкомов и ЦК Союзных республик имелись отделы истпартов, которые ведали всем делом научной работы историко-партийного характера. В 1939 г. они были ликвидированы и все их функции по решению Оргбюро ЦК перешли к партийным архивам. Следовательно, роль и значение партийных архивов возросли»¹⁶.

Как нам представляется, на волне попыток оживить и перестроить партию и аппарат, в послевоенный период предпринимается целый ряд действий. Докладчик говорит о особом положении партийного архива, могущего, используя истпартовские традиции и авторитет, способствовать повышению значимости партии в сознании советских трудящихся. Что можно для этого сделать? Для начала, представлять возможность как можно более широкому кругу исследователей-партийцев работать с документами партийного архива. В это время С. П. Люшин предложил неожиданное, ставшее нормой только в 1990-е гг. – привлечь, по примеру государственного архива республики, к работе партархива студентов университета (в ходе производственных архивных практик). На это последовал строжайший запрет из ИМЭЛ¹⁷.

Необходимо отметить, и то, что еще весной 1950 г. в докладной записке, направленной в ИМЭЛ, С. П. Люшин, будучи и сам аспирантом Казанского государственного университета, говорит: «Казань является городом вузов, а поэтому за последние годы, в связи с новым положением об ученых степенях, в Партийный архив усиливается приток преподавателей, научных работников для работы над диссертациями... До 1945 г. в Партийный архив почти не было наплыва диссертантов вузов для работы над архивными материалами, а в 1949 г. их уже занималось 30 человек. Для подбора и выдачи им материалов приходится затрачивать много рабочего времени за счет сокращения первостепенных работ. Требования о сохранении государственной и партийной тайны заставляют еще более строже подходить к выдаче материалов, что опять ведет к новым затратам рабочего времени. В результате работа Партийного архива по обработке и систематизации актуальных фондов почти приостановлена, ибо на этот участок совершенно не хватает рабочих рук. Неупорядоченность же основных фондов приводит к большим задержкам в справочной работе и в выдаче

материалов исследователям... Татарский Партийный архив, по сравнению с партийными архивами окружающих его областей, как Ульяновский, Куйбышевский, находится в неравноправном положении. Так, например, и Куйбышевская и Ульяновская область сельских районов имеют в два раза меньше, чем Татария, а следовательно, в их партийных архивах в два раза меньше и архивных материалов. Тем не менее, в Ульяновском партийном архиве имеется два архивариуса, в Куйбышевском – три, а в Татарском, при объеме работы вдвое больше, также два архивариуса. Куйбышев и Ульяновск не являются вузовскими городами, а поэтому в их партийных архивах нет и наплыва исследователей, у нас же наоборот... В Ульяновский Партийный архив в 1949 г. поступило 147 запросов на различные справки, в наш же – 715»¹⁸.

Руководству партийного архива приходилось выслушивать также и упреки в пассивности, неумении отстаивать свои интересы перед лицом многочисленных партийных функционеров, да даже и Татарского Обкома ВКП(б). На упоминавшемся выше бюро Татарского Обкома ВКП(б) в ноябре 1950 г. С. П. Люшин говорит прямо и даже дерзко: «Кроме ИМЭЛ, до планов работы и отчета Партийного архива, видимо, никому нет дела. Поэтому Партийный архив необходимо поставить на свое место, чтобы он имел своего непосредственного хозяина. Партийный архив должен быть на положении сектора отдела пропаганды Обкома партии»¹⁹.

Стремление более четко «вписать» партийный архив в «вертикаль» власти должно было как помочь в отстаивании интересов архива, так и быть полезным самой партийной номенклатуре. Характерны в этом отношении «рекомендации» самого С. П. Люшина летом 1952 г., обращенные к секретарю Татарского крайкома ВКП(б) С. Г. Батыеву: «Ощущается острая необходимость иметь разработанную историю Татарской партийной организации. Без такой истории по существу невозможно создать и гражданскую историю Татарии советского периода. Учитывая наличие в Казани достаточного количества теоретически подготовленных кадров, имеющих диссертационные работы по отдельным вопросам и периодам истории Татарской партийной организации, желательно использовать их для подготовки к печати материалов по истории парторганизации на основе завершенных диссертаций»²⁰.

А. И. Лебедева.

ГА РТ, ф. П-30, оп. 10, д. 642б, л. 2.

A. I. Lebedeva, the State Archive of the Republic of Tatarstan, fond P-30, series 10, file 642b, p. 2.

Наш календарь

Таким образом, приоритет партийной доктрины в освещении значимых событий советской истории в регионе становился возможным только при исключительной, главенствующей роли партийного архива в сравнении с государственным архивом. Но лишения послевоенного времени не позволяли рассчитывать на слишком большое внимание общества к проблемам сохранения документальных комплексов. Поэтому директивные указания партийного архива были нацелены не на понимание, но на безусловное исполнение.

В 1952 г. партархив еще раз отпечатал и разослал всем РК и ГК КПСС и ВАКСМ республики примерную номенклатуру дел, которая фиксировала комплекс документов, подлежащих обработке и сдаче в партийный архив, а также должна была применяться для текущего делопроизводства²¹. Данная мера не всегда могла иметь эффект, по причине, к примеру, частой сменяемости работников ВАКСМ, что «приводило к обезличке в хранении и обработке архивных материалов»²².

Как нам представляется, попытки сделать партийный архив более популярным, а значит, и ценным в глазах партийных функционеров самого разного ранга и населения, были обречены. Причина – жесткие рамки партийной дисциплины, делавшие документы парткомсомольских организаций подлежащими «вечному хранению и охранению». Складывался замкнутый круг: боязнь и недоверие к документу, особенно – исходящему из партийных структур, общий низкий уровень делопроизводства приводили к тому, что в документах не видели жизненно важной ценности, а значит, не старались сохранить и тем самым уничтожали.

В январе 1953 г. было принято решение ЦК КПСС об открытии в Казани филиала ИМЭЛ при ЦК КПСС²³. Это немедленно породило у архивистов надежды на более широкое использование документальных материалов в научно-исследовательской работе. В октябре 1953 г. создается Институт истории партии. Он являлся составной частью ИМЭЛ, который и обозначил перед Партийным архивом ТАССР задачу написания истории Татарской партийной организации. Для этого была поставлена задача – в 2-3 года завершить архивно-техническую обработку основных фондов²⁴. Но эти надежды тогда не были реализованы – в 1954 г. партийный архив должен был принять архивные материалы из всех РК и ГК КПСС и ВАКСМ ТАССР с 1941 по 1950-е гг.²⁵

Увеличившийся вал справок от населения, партийных и государственных структур, необходимость жестко контролировать состояние текущего делопроизводства в партийных организациях не позволили партийному архиву стать чем-то большим, нежели просто часть партийного аппарата. В 1954 г. коллективу партийного архива пришлось напряженно работать – в этом году по решению ЦК КПСС проходил обмен партийных документов. Партийный архив должен был помогать райкомам партии «преодолеть трудности, встречавшиеся при обмене партдокументов». В этом же году архивом было выдано более тысячи справок. Среди них, как отмечали архивисты, было немало и таких, для составления которых приходилось просматривать материалы 13-ти и более фондов. Было немало запросов с неуточненными поисковыми данными. Ни в одном из отчетов Партийного архива ТАССР за 1953-1954 гг. не поясняется характер запросов, можно только предположить, что они могли касаться реабилитации.

Научная обработка материалов тормозилась и по чисто техническим причинам. Так, до 1954 г. не было реестра описей, первая же работа по составлению реестра выявила наличие 302 фондов и более двух тысяч описей к ним. Характерно,

что и в ИМЭЛ совершенствование внутренней организации архива тоже, по замечанию С. В. Якушева, приходится на начало 1950-х гг.²⁶

На одном из производственных совещаний 1955 г. в присутствии сотрудника ИМЭЛ одна из архивисток, инструктор Суркова, характеризуя состояние работы Партийного архива, заявила буквально следующее: «Я вношу предложение довести до ЦК КПСС, что в нашей республике с партийным хозяйством обстоит дело плохо. Необходимо включить в программу областных партийных школ по предмету “партийное строительство” изучение партийных материалов, необходимо воспитание партийной ответственности за сохранение архивных партийных документов».

В обращении ИМЭЛ к Партийному архиву ТАССР от 16 мая 1956 г. значилось следующее: «Проведение 50-летнего юбилея Первой русской революции 1905-1907 гг., подготовка 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции, а также постановление Президиума ЦК КПСС от 7 февраля 1956 г. “О мерах по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных материалов министерств и ведомств” и решения XX съезда КПСС – все это вызвало некоторое оживление в работе по публикации документов местных партийных архивов... XX съезд КПСС поставил серьезные задачи перед советскими историками в деле изучения и написания истории и партии, и советского государства²⁷. Исследовать историю КПСС и Советского государства невозможно без тщательного изучения партийных документов»²⁸.

Обращением Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и редакция журнала «Исторический архив» призывалась к активизации работы по публикации документов на страницах журнала «Исторический архив». Для скорейшей разработки и публикации партийных документов предлагались наиболее актуальные темы советского периода: борьба за повышение производительности труда и технический прогресс; пропаганда передового опыта лучших предприятий, колхозов, совхозов; коммунистическое воспитание трудящихся; трудовой героизм советского народа в тылу, партизанское движение и другие темы периода Великой Отечественной войны; документы, статьи и воспоминания по периоду подготовки и проведению Великой Октябрьской социалистической революции и упрочению Советской власти на местах и т.д.²⁹ Данное Обращение и порядок тем весьма примечательны – тема революции, хотя и считалась определяющей, но конкретно в 1956 г., первой в повестке дня значилась техническая составляющая жизни советского общества, медленно и неуверенно вступающего в эпоху «оттепели».

К тому же, по положению все райкомы КПСС сдавали свои документальные материалы в Партийный архив по истечении 3-летнего срока хранения, значит, в 1956 г. подлежали сдаче документы за 1953 г. В этот период Партийный архив столкнулся с валом запросов по справкам, это стало самой значимой работой, важнее даже приема материалов от райкомов партии. По поводу принимаемых материалов, инструктор Партийного архива каждый раз обращали внимание на то, что в партийных школах ТАССР не преподается делопроизводство, что пагубно влияет на понимание партийцами значимости архивных материалов. Сами работники партийных органов не всегда вникали в значение документов своих подразделений³⁰.

Данное обстоятельство объясняет, в числе прочего, почему процесс работы над справками был таким трудоемким и долгим. Ни в протоколах, ни в сводных отчетах не описывается сколько-нибудь подробно процесс работы по справкам. Иногда лишь проскальзывают такие характеристики: «Работали много, до одурения... Материал 1932-1933 гг. очень трудный, по нему искать справки трудно»³¹.

Об объеме работы также говорит тот факт, что весь состав Партийного архива занимался справками. Помимо реабилитации, в качестве запросов были: партийный и трудовой стаж, сведения о работе граждан в советских учреждениях, о избрании в партийные органы. В 1962 г. в годовом отчете Партийного архива по справочной работе можно увидеть весьма показательную максиму: «Невнимание к запросам и задержка по ним ответов – это невнимание к судьбе человека»³². Ко всему прочему, работа архива могла быть скорректирована и таким обстоятельством, как переезд в новое здание 6 мая 1962 г. Партийный архив из Петропавловского собора переехал в здание Обкома партии³³. В силу этого, в отчете за 1961 г. отмечалось, что в связи с подготовкой к переезду, Партийный архив практически весь год занимался ревизией фондов. Попутно с этим, выделялась макулатура, переделывались связки. Прием материалов от райкомов партии был приостановлен, как и работа исследователей с архивными документами³⁴. Новые испытания принес 1962 г., на который пришлось перестройка структуры партийных органов. Вся партия сверху донизу меняла территориальную организацию на производственную. Ее аппарат подразделялся на две параллельные структуры – по промышленности и по сельскому хозяйству, которые объединялись только в верхах. Для архивного дела эта хрущевская реформа обернулась тем, что в 1963 г. партийные архивы должны были принять документальные материалы от всех райкомов партии и комсомола по 1962 г. включительно³⁵.

Очевидно, что в этих непростых условиях архивистам было трудно справляться с плановыми показателями по сбору, сохранению и использованию архивных материалов. В этой связи, с нашей точки зрения, очень актуальными были слова, сказанные в феврале 1963 г. научным сотрудником Партийного архива Н. А. Субаевым на одном из производственных совещаний: «Архивы сильны своим штатным коллективом, и коллектив этот надо расширять»³⁶. Внимание и участие квалифицированной общественности должно было помочь и в деле научной обработки архивных материалов, и в деле популяризации ценности архивов в глазах широкой общественности и партийных функционеров самого разного ранга.

Показательно, что все руководители Партийного архива, и Анна Ивановна Лебедева, в частности, прекрасно это понимали. А. И. Лебедева, как было отмечено в ее некрологе, ввела в научный оборот сотни новых документов по истории партийной организации и революционного движения в Татарии. Показательно, что после своей работы в архиве, А. И. Лебедева переходит на преподавательскую деятельность, она была доцентом кафедры истории партии Казанского инженерно-строительного института с 1968 по 1976 г.³⁷

Таким образом, подводя итоги, отметим следующее: тема «Партийный архив и его роль в жизни советского общества» еще далека от исчерпывающего исследования и должна разрабатываться далее. Как нам представляется, история функционирования архивных учреждений СССР демонстрирует интересные примеры влияния личностного, субъективного фактора, в данном случае – руководителей архивов, на характер и интенсивность деятельности подведомственных им структур. Также немаловажным является еще раз акцентировать внимание на особенностях отражения в документах партийных архивов реалий советской повседневности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Фаззова Г.* Из архивного прошлого. Яков Семенович Кормухин (к 85-летию ЦГА ИПД РТ) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2014. – № 3/4. – С. 189-196.
2. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан. Путеводитель. – М., Изд-во «Звенья». – 1999. – С. 7.
3. *Лаптева Е.А.* Центральный государственный архив общественных объединений Чувашской республики: становление и развитие (1935-2000 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Чебоксары, 2006. Электронный ресурс. Режим доступа: <file:///C:/Users/user/Downloads/01003287936.pdf>.
4. *Мосолов В.Г.* ИМЭЛ – цитадель партийной ортодоксии: из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1921-1956. – М.: Новый хронограф, 2010. – С. 396.
5. *Левин Моше.* Советский век / Пер. с англ. В. Новикова, Н. Копелянской. – М.: Издательство «Европа», 2008. – С. 239.
6. ГА РТ, ф. П-30, оп. 1, д. 131, л. 50.
7. Там же, д. 124, л. 83-84.
8. Там же, д. 151, л. 32.
9. Там же, д. 150, л. 27.
10. *Якушев С.В.* Комплектование центрального партийного архива ИМА при ЦК КПСС историко-партийными документами. 1929-1991 годы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1992. – 24 с.
11. ГА РТ, ф. П-30, оп. 5, д. 8, л. 1.
12. Там же, л. 86.
13. Там же.
14. Там же, оп. 1, д. 163, л. 126.
15. Там же.
16. Там же, л. 145-160.
17. Там же, д. 159, л. 57.
18. Там же, л. 31-32.
19. Там же, л. 159.
20. Там же, оп. 4, д. 1, л. 74.
21. Там же, д. 5а, л. 5.
22. Там же, л. 6.
23. Там же, д. 1, л. 3.
24. Там же, оп. 5, д. 8, л. 179.
25. Там же, д. 11, л. 37.
26. *Якушев С.В.* Центральный партийный архив (1941-1956 гг.) // Вопросы истории КПСС. – 1991. – № 6. – С. 78.
27. ГА РТ, ф. П-30, оп. 1, д. 1, л. 76.
28. Там же, л. 77.
29. Там же.
30. ГА РТ, оп. 10, д. 2, л. 7, л. 15.
31. Там же, л. 19.
32. Там же, д. 89, л. 34.
33. Там же, д. 101, л. 212, 277.
34. Там же, д. 89, л. 4-7.
35. Там же, д. 108, л. 15.
36. Там же, д. 107, л. 15.
37. Там же, д. 675, л. 6.

Список литературы

Левин Моше. Советский век / Пер. с англ. В. Новикова, Н. Копелянской. – М.: Издательство «Европа», 2008. – 680 с.

Мосолов В.Г. ИМЭЛ – цитадель партийной ортодоксии: из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1921-1956. – М.: Новый хронограф, 2010. – С. 396.

Якушев С.В. Центральный партийный архив (1941-1956 гг.) // Вопросы истории КПСС. – 1991. – № 6. – С. 78.

Якушев С.В. Комплектование центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС историко-партийными документами. 1929-1991 годы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1992. – 24 с.

References

Moshe Lewin. *Sovetskiy vek. Per. s angl. V. Novikova, N. Kopelyanskoy* [Novikov V., Kopelyanskaya N. (trans. from English). *The Soviet Century*]. Moscow, "Evropa" publ. house publ., 2008, 680 p.

Mosolov V.G. *IMEL – tsitadel marksistskoy ortodoksii* [LEMI, the citadel of the party orthodoxy: the history of the Institute of Marxism-Leninism, 1921-1956]. Moscow: Novy khronograf publ., 2010, 396 p.

Yakushev S.V. *Tsentrallyy partiyny arhiv (1941-1956)* [The Central Party Archive (1941-1956)]. IN: *Voprosy istorii KPSS* [Issues of CPSU's history], 1991, no. 6, 78 p.

Yakushev S.V. *Komplektovanie tsentralnogo partiynogo arhiva IML pri TsK KPSS istoriko-partiynymi dokumentami. 1929-1991 gody. Avtoref. diss. kand. ist. nauk* [Acquisition of historical and party documents by MLI under CPSU's Central Committee. 1929-1991: Author. Dis. candidate of historical sciences]. Moscow, 1992, 24 p.

Сведения об авторе

Шамсутдинова Римма Габдархаковна, кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории Института международных отношений Казанского федерального университета, e-mail: rimgab2012@gmail.com.

About the author

Rimma G. Shamsutdinova, Candidate of Historical Sciences, Associated Professor at Department of Russian History, Institute of International Relations, Kazan Federal University, e-mail: rimgab2012@gmail.com.

В редакцию статья поступила 07.08.2019, опубликована:

Шамсутдинова Р.Г. Партийный архив ТАССР и вызовы времени: вторая половина 1940 – начало 1960-х гг. (к 90-летию Татарского единого партийного архива) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2019. – № 3. – С. 94-105.

Submitted on 07.08.2019, published:

Shamsutdinova R. G. *Partiyny arhiv TASSR i vyzovy vremeni: vtoraya polovina 1940 – nachalo 1960-kh gg. (k 90-letiyu Tatarskogo edinogo partiynogo arkhiva)* [The Party Archive of the Tatar ASSR and challenges of the time: the second half of the 1940s – early 1960s (dedicated to the 90th anniversary of the Tatar Unified Party Archive)]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov*, 2019, no. 3, pp. 94-105.